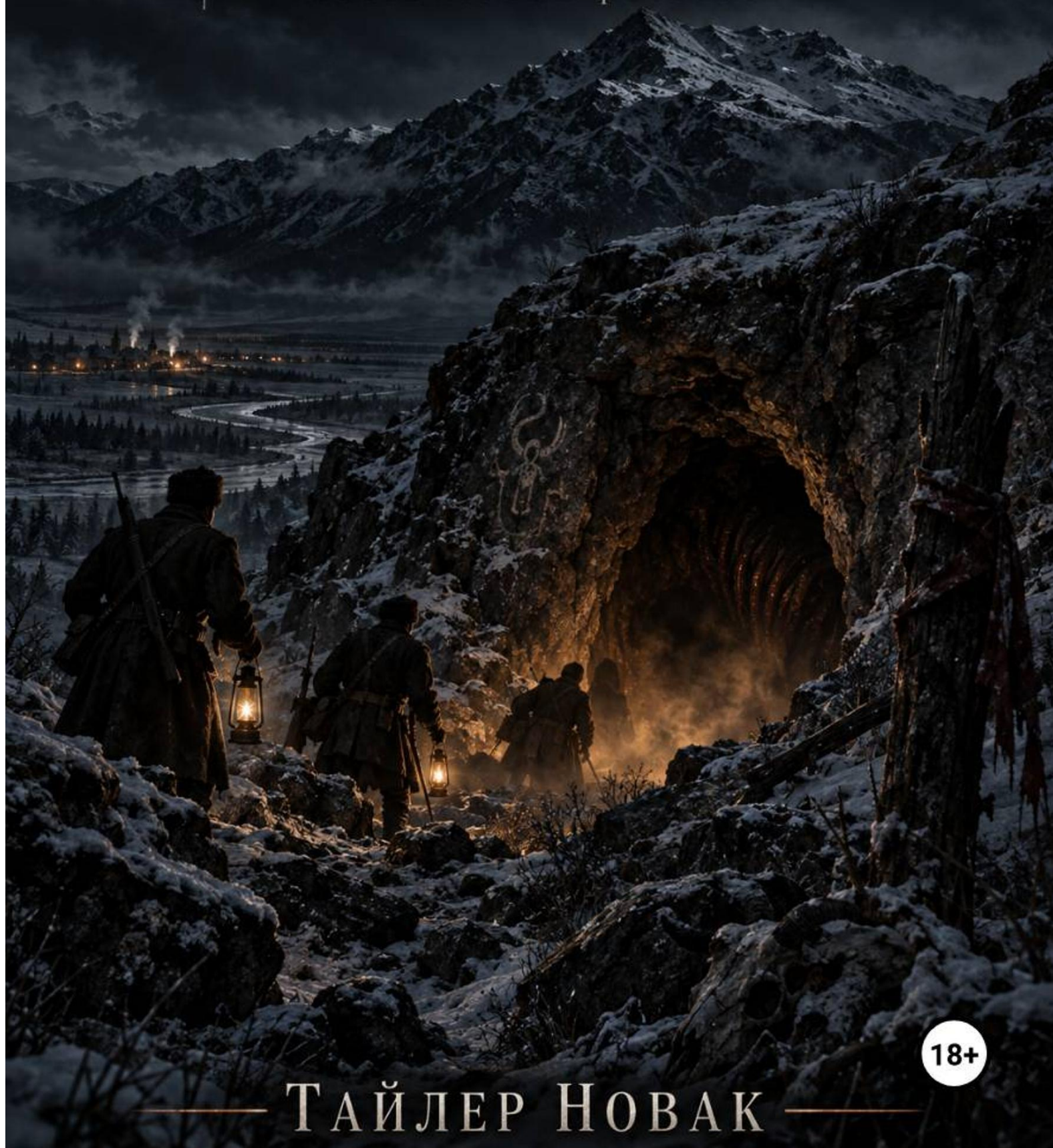

ПОД СЕДЛУХОЙ

мистический рассказ

18+

— ТАЙЛЕР НОВАК —

Tyler Nowak

ПОД СЕДЛУХОЙ

«Автор»

2026

Nowak T.

ПОД СЕДЛУХОЙ / T. Nowak — «Автор», 2026

Зимой 1919 года, в разгар Гражданской войны, разведкоманда бывшего штабс-капитана Алексея Воронцова, перешедшего на службу в Красную армию, преследует остатки белого отряда в окрестностях Бобровки. Следы противника ведут к скрытой пещере под горой Седлуха. Внутрь вошли люди. Обратно не вышел никто. Сначала Воронцов уверен, что перед ним обычная военная задача: найти противника, проверить пещеру, пересчитать людей и вернуться к своим. Но чем глубже отряд спускается под гору, тем меньше происходящее подчиняется законам войны, пространства и времени. В темноте кто-то ведёт свою переключку. Кто-то знает имена людей, которых знать не может. И самое страшное начинается тогда, когда голос из глубины обращается к Воронцову именем, которым его не называли с детства. «Под Седлухой» — мистический рассказ из цикла «Бобровка», где суровая реальность Гражданской войны постепенно растворяется в космическом ужасе, а древняя гора оказывается не просто местом, куда можно войти.

© Nowak T., 2026

© Автор, 2026

Tyler Nowak

ПОД СЕДЛУХОЙ

ТАЙЛЕР НОВАК
ПОД СЕДЛУХОЙ

из цикла «Бобровка»

Мистический рассказ

Война приучает человека не бояться смерти. Это, пожалуй, единственная её польза. Недостаток же состоит в том, что она не объясняет, чего следует бояться вместо неё.

Из записной книжки А. Н. Воронцова

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Эти записи принадлежат Алексею Николаевичу Воронцову, бывшему штабс-капитану старой армии и впоследствии военному специалисту при одном из сводных отрядов, действовавших зимой 1919 года к востоку от Семипалатинска. В Красной армии он числился командиром разведывательной команды. Судя по почерку и обрывкам служебных помет, тетрадь велась в декабре 1919 года и была продолжена уже после описываемых событий.

Воронцов не был большевиком. Он пишет об этом прямо и без всякой осторожности, какую следовало бы ожидать от человека его положения. В его переходе на сторону красных не было ни откровения, ни революционного восторга. Он просто сделал вывод, что белое движение на востоке проиграло войну, а Россия, какой бы она ни стала, переживёт и победителей, и побеждённых. Такой взгляд едва ли мог сделать его любимцем политработников, но, вероятно, именно поэтому его и держали при разведке: он умел читать карту, понимал дисциплину и редко путал желание с действительностью.

Ниже текст приведён без попытки исправить его взгляды, страхи или позднейшие выводы.

16 декабря 1919 года. Усть-Каменогорск.

Город взят почти без боя, что после последних месяцев представляется мне неприличной роскошью. Я привык считать, что всякий город должен сперва несколько часов пострелять, сжечь два амбара, разбить телеграф и только потом решить, чья власть ему нравится. Здесь же белые части частью ушли, частью разошлись, частью принялись доказывать, что никогда особенно белыми и не были.

Новая власть, как и всякая новая власть, в первую очередь ищет бумагу, печати и людей, умеющих писать разборчиво.

По этой причине я опять оказался нужен.

Фамилия моя — Воронцов, Алексей Николаевич. До развала старой армии штабс-капитан. После — кто чем назовёт. В Омске был при белых, служил не Колчаку лично, а порядку, который, как мне казалось, ещё возможно было удержать. К осени стало ясно: удерживать там уже нечего. Армия отступала, штабы сочиняли приказы к несуществующим полкам, интенданты торговали последним сукном, а офицеры всё чаще говорили о чести, потому что говорить о положении на фронте было слишком неприятно.

Я перешёл не из убеждения.

Запишу это один раз.

Красные победят. Вот моё убеждение.

Если бы победили белые, я, вероятно, остался бы белым. Человек, который утверждает, будто никогда не выбирал сторону по обстоятельствам, либо святой, либо врёт.

Утром вызвал меня начальник штаба сводной группы, товарищ Климов. Человек лет тридцати пяти, из бывших прапорщиков, неглупый, с неприятной привычкой долго смотреть, когда уже понял ответ.

— Алексей Николаевич, — сказал он, — работёнка для вас.

Я спросил:

— Насколько дурная?

Он усмехнулся.

— Белые уходят к Змеиногорску и дальше. Но один отряд оторвался. Человек двадцать пять — тридцать. Офицеры, несколько казаков, солдаты. Командует, по сведениям, капитан Верещагин.

Фамилия мне ничего не сказала.

— Что от меня требуется?

— Найти.

— И?

— Если сложат оружие — привести. Если нет — сами понимаете.

Я понимал.

На карте Климов провёл карандашом от города к северо-востоку.

— Вчера их видели у тракта. Потом ушли в сторону Бобровки.

— Почему не по дороге?

— Потому, вероятно, что не хотят встретить наших.

— Разумно.

— Возьмёте двадцать штыков. Из местных партизан дадут проводника.

Я спросил:

— Кто такой Верещагин?

— Говорят, кадровый. Держит людей крепко. У них ручной пулемёт, два ящика патронов, лошади. Возможно, при них документы.

Документы интересовали штаб больше людей.

Я получил приказ к полудню.

В отряд вошли шестнадцать стрелков, два конных разведчика, фельдшер, пулемётчик без пулемёта и проводник по имени Захар Тельнов, крестьянин из Секисовки. Люди — смесь бывших фронтовиков, крестьян и тех, кто неделю назад ещё называл себя партизанами, а теперь привыкал к слову «красноармеец».

Вечером выступили.

Мороз небольшой, снег свежий.

У меня нехорошее предчувствие.

Но оно, вероятно, объясняется тем, что последние два года всякое путешествие по России начинается с нехорошего предчувствия и заканчивается подтверждением.

17 декабря. На тракте между Секисовкой и Бобровкой.

След нашли утром.

Двадцать с лишним лошадей, одна подвода. Шли быстро. Снег местами сбит копытами до земли.

Тельнов говорит, они направляются к Бобровке, но не в само село.

— Там дальше Седлуха, — сказал он.

— Гора?

— Гора.

— За ней дорога?

Он ответил не сразу.

— Дороги всякие есть.

Этого ответа я не люблю. Военная наука предпочитает, чтобы дорога либо была, либо отсутствовала.

К полудню нашли брошенную подводку. Ось треснула. Внутри пустые патронные ящики, одеяло, котелок и окровавленная тряпка. Крови мало. Вероятно, кто-то ранен.

Странность: рядом с повозкой лежала пачка писем, перевязанных бечёвкой. Адресованы женщине в Томск. Не вскрывал. Чужая переписка всегда кажется мне более непристойным чтением, чем военный приказ.

К вечеру догнали одного.

Он лежал в снегу лицом вниз.

Рядовой белой армии, лет двадцати, шинель английского сукна, сапоги хорошие. Пуля вошла сзади под лопатку.

Наш фельдшер сказал — умер часа три назад.

Следы вокруг показали, что его не бросили сразу. Кто-то подходил, стоял рядом, потом весь отряд двинулся дальше.

— Свои пристрелили, — сказал красноармеец Митя Шаров.

— Почему?

Тот пожал плечами.

Я осмотрел тело ещё раз.

Пуля была винтовочная.

Если человек отстал, его могли добить, чтобы не попал к нам.

Но у мёртвого в руке была зажата ветка лиственницы.

Не сломанная.

Вырванная с иглами и тонкой корой.

Будто он хватался за дерево.

Лес вокруг стоял метрах в тридцати.

Следов от тела к лесу не было.

Только отпечатки сапог отряда.

Я записываю это потому, что привык записывать детали. Никакого значения ветка, разумеется, не имеет.

18 декабря. Бобровка.

Село большое, старое. По виду старше многих городов, которые мне довелось брать и оставлять.

Дома стоят крепко, дворы просторные. Есть казацкие постройки, есть крестьянские. Люди смотрят на нас без восторга и без удивления. За последние годы сюда приходили всякие власти, и крестьянин научился уважать ту, которая стоит у него во дворе в данный момент.

Председателя ещё нет. Ревком только собирают. Поэтому разговаривали со стариками и теми, кто согласился разговаривать.

Белых видели вчера.

Тридцать человек или около того.

Прошли по окраине, воды не просили, хлеба не брали. Один конь хромал.

Куда направились, никто сперва не сказал.

Тельнов разозлился.

— Да не прячьте вы их, дедовы черти. Уйдут — вам же хуже.

Старик в овчинном полушубке посмотрел на него и ответил:

— Мы их не прячем.

— Тогда куда пошли?

— Под гору.

— Под Седлуху?

Старик перекрестился.

Это движение я заметил сразу.

Здесь много старообрядцев, и крестятся они часто. Но в данном случае он сделал это не перед иконой, не перед едой и не от привычки.

— Куда именно? — спросил я.

Старик оглядел меня.

— Вы, господин офицер, местный?

Я сказал:

— Теперь товарищ командир.

Он не улыбнулся.

— А раньше?

— Раньше офицер.

— Оно и видать.

— Куда пошёл отряд?

— К Поганой.

Тельнов выругался.

— Не начинай.

Я спросил:

— Что такое Поганая?

— Пещера.

Вот впервые появляется пещера.

Я проверил карту. Никакой пещеры не обозначено.

Старик назвался Савелием Осиповичем. Фамилии не сказал, а я не стал добиваться.

Пещера, по его словам, находится на северном склоне Седлухи, в стороне от обычных троп. Вход низкий, за каменной осыпью. Местные туда не ходят.

— Почему?

— Незачем.

— Это не ответ.

— А какой вам нужен?

— Нормальный.

Савелий Осипович посмотрел на мою кобуру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.